

— Эй, Юань Сяо! Хочешь попробовать сахарных человечков? Держу пари, ты хочешь. Пойдём купим. — Детский голос Тан Юаня всплыл из глубин памяти, пробиваясь сквозь шум улицы и врываясь в его уши.

— Но если ты съешь, у тебя испортятся зубы, и отец тебя отругает.

В то время Тан Юань был ещё маленьким, и он тоже был ребёнком, но уже мог выводить маленького Тан Юаня на прогулку. Тан Юаню было всего три или четыре года, крошечный, прыгал вокруг, но ничего не мог разглядеть, только слышал уличные крики торговцев, среди которых голос продавца сахарных человечков был самым громким, а у его лотка толпилось больше всего детей. Он инстинктивно пробился вперёд, к лотку с сахарными человечками:

— Не будет. Если он меня отругает, ты тоже получишь свою долю. Мой отец — это твой отец, мы ведь... братья, так ведь? — Хозяин, мне два сахарных человечка, один нарисуйте как я, другой — как он. Один я съем, другой — он.

Как именно всё было тогда, Юань Сяо уже не помнил, только помнил, что у лотка было очень тесно, но тесниться рядом с маленьким Тан Юанем было радостно:

— Тан Юань, здесь слишком тесно. Может, ты выйдешь и подождёшь меня?

Юань Сяо вынес его из толпы, тщательно проинструктировав обязательно ждать, и только после того, как маленький Тан Юань несколько раз кивнул в подтверждение, он вернулся за сахарными человечками.

— Два сахарных человечка, пятьдесят монет за штуку, держите. — Продавец сахарных человечков с улыбкой протянул их ему.

Возможно, из-за толкотни ему пришлось поднять руку, чтобы защитить человечков от повреждений, но, выйдя из толпы, он не смог найти Тан Юаня.

Его нигде не было, нигде.

Именно в тот день он впервые почувствовал свою беспомощность, пробираясь сквозь толпу взрослых, крича имя Тан Юаня, и обнаружил, что даже если горло уже болит от крика, голос всё равно не разносится далеко.

— Отец! Отец! — В то время он ещё сильно зависел от своего отца и, поняв, что что-то не так, побежал к нему. — Отец! Тан Юань пропал.

— Что? — Услышав это, отец тут же вскочил с места и начал ходить взад-вперёд по залу, бормоча:

— Плохо, плохо, так скоро начали. — Иди в дом Тан и найди дядю. Ах, нет, ты, наверное, заблудишься там. Я пойду!

Сказав это, отец подхватил его и пошёл в дом Тан. В то время часть армии клана Юань ещё была расквартирована в столице, и отец, который ежедневно тренировал солдат и имел некоторую боевую подготовку, шёл быстро, и скоро они добрались до дома Тан.

Отец оставил его в главном зале, а сам пошёл с дядей Тан в кабинет. Юань Сяо был ещё маленьким, стоял с каменным лицом рядом с большим столом в главном зале, едва достигая его высоты.

Вскоре вошла старшая принцесса с покрасневшими глазами, подошла к нему, присела и хотела утешить, но, не сказав ни слова, сначала сама заплакала:

— Сяо, ты боишься?

— Боюсь. — Юань Сяо честно ответил.

Он действительно боялся, хотя ещё не понимал, что именно произошло, но уже почувствовал невиданный страх и тревогу в тревожных выражениях отца и дяди Тан, в слезах старшей принцессы.

— Не бойся, с Тан Юанем всё будет хорошо.

— Ваше высочество, Тан Юань в опасности?

— Да. И это очень опасная ситуация. — Но не волнуйся, он с детства такой, мастер выходить сухим из воды.

Да, он мастер выходить сухим из воды.

Но на этот раз всё было слишком опасно.

Когда армия клана Юань принесла Тан Юаня обратно, его голова была покрыта грязной тряпкой. Старшая принцесса, увидев его, закричала и бросилась к нему, забрав его у солдата.

— Мама? Это ты? — Тан Юань снял с головы тряпку, обнажив лицо, испачканное сажей, как у маленького котёнка.

— Этот ребёнок, чуть не убил меня. — Старшая принцесса обняла его, непрерывно целуя в лоб.

— Мама, уже темно, почему дома не зажгли свет?

Как только эти слова прозвучали, все, кто только что радовались возвращению маленького господина, замолчали. В главном зале никто не смел громко говорить, даже дыхание стало едва слышным.

Руки старшей принцессы, держащие Тан Юаня, резко дрогнули. Она прижала своё лицо к его лицу, лоб ко лбу и осторожно спросила:

— Тан Юань, что ты сказал? Мама не расслышала.

— Дома ещё не зажгли свет? — Тан Юань, казалось, тоже что-то почувствовал, и его голос стал осторожным.

Долгое время спустя долгий всхлип старшей принцессы наконец разорвал подавляющую тишину. Она крепко обняла Тан Юаня, рыдая на его маленьком теле, не в силах перевести дух.

Юань Сяо стоял ошеломлённый в главном зале, пока плач старшей принцессы не испугал его, и он, наконец, очнулся, словно выйдя из состояния оцепенения.

— Это Юань Сяо? Ты плачешь? — Тан Юань, спрятанный в объятиях старшей принцессы, услышал сдержанный всхлип и высунул голову, ища источник звука.

Он только что ослеп и ещё не привык, поэтому, держась за руку старшей принцессы, шаг за

шагом осторожно подошёл к Юань Сяо, обнял его пушистую голову и погладил:

— Не плачь, мама говорит, что мужчины должны быть сильными.

— Я не плачу, не плачу. Просто глаза немного болят. — Юань Сяо вытёр слёзы.

Хотя глаза у него не болели, точно не так, как у Тан Юаня. Но у него болело сердце, в груди будто застрял большой кусок льда, сдавливая ему душу.

— У меня тоже глаза болят. Но я не плачу. — Тан Юань, возможно, с детства имел инстинкт не показывать слабость перед другими, хотя плакал горько, но уже выплакался. — Кстати, ты принёс моего сахарного человечка?

— Юань Сяо, ты съешь? Юань Сяо?! Юань Сяо! — Голос Тан Юаня становился всё громче, выводя задумавшегося Юань Сяо из состояния.

Юань Сяо вырвался из воспоминаний, глаза его всё ещё были немного красными.

— Да, что случилось?

— Что опять? Ветер в глаза попал? Я спрашиваю, ты съешь сахарного человечка? Я как раз купил два, один нарисован как ты, другой — как я. Я просил продавца добавить пару штрихов, но он не хотел. Посмотри, я добавил тебе две маленькие усика, когда ты состаришься, с усами ты будешь выглядеть смешно.

— Тан Юань. — Юань Сяо вдруг остановился, серьёзно глядя на него.

— Что? Ты вдруг стал странным, даже не ругаешь меня за сахар, обычно ты ноешь без остановки, у меня уже уши болят.

— Ты... В прошлый раз, когда я тебя навещал, ты сказал, что не вернёшься. Почему ты вернулся в столицу?

— Конечно, потому что император приказал. Отец и мать здесь, куда я могу убежать? — Тан Юань откусил голову сахарного человечка, громко хрустя.

Этот укус был действительно сильным, хотя сахарный человечек был нарисован не очень похоже, но Юань Сяо, глядя на откусанную голову и белые зубы Тан Юаня, почувствовал озноб.

— Слушай, Юань Сяо, ты хотел сказать не это, верно? Я знаю, что ты хотел сказать. Я не виню тебя. — Тан Юань шёл впереди, методично съедая сахарного человечка, затем обернулся и серьёзно посмотрел на него. — Я никогда не винил тебя.

Юань Сяо всегда чувствовал вину, он считал, что это он потерял Тан Юаня, из-за чего тот столько страдал. От солдат он узнал, что глаза Тан Юаня ослепли от дыма. Когда его нашли, он был заперт в деревянном доме, огонь уже разгорелся, и было вылито масло. Если бы он не кричал так громко, возможно, даже его тело было бы трудно найти.

— Ты ничего не понимаешь! Это я тебя подвёл, если бы не я...

— Если бы не ты, у меня не было бы шанса на спасение. Если бы не ты, я бы погиб в битве за город Губэй. Если бы не ты, я бы уже был раздавлен камнями в ущелье Умэнь. Юань Сяо, я всегда был в долгу перед тобой за свою жизнь. Ты никогда не был мне должен в этом.

Тан Юань знал гораздо больше, чем он. Он знал, что у всего этого были корни, и эти корни были далеко за пределами досягаемости Юань Сяо в то время.

В то время, кроме того что он ослеп от дыма, его ещё и отравили, иначе его не отправили бы к учителю, чтобы лечиться и одновременно учиться боевым искусствам.

Яд, если его назвать, возможно, снова потрясёт мир. Этот яд назывался «утолить жажду ядом».

По сути, этот яд был и ядом, и противоядием. Приступы были мучительными, но чтобы облегчить боль, нужно было принять не меньше, чем в предыдущий раз, поэтому он и назывался «утолить жажду ядом».

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16265/1463575>